

Венди закрыла за собой дверь и шагнула в теплый свет каюты Крюка. Сумерки сверкали в окнах и отражались в море, но все, что она видела, был он. Он сидел в кресле, положив левое колено на пухлую ручку кресла, а правую ногу, удобно раскинув, вытянув к полу, где его изящная ступня мягко постукивала в ритм песни, звучащей из граммофона. На коленях у него лежал массивный переплетенный том, а его крючок был готов перевернуть страницу. У него был вид кота, съевшего всех канареек.

Она шагнула вперед. "Я не буду спрашивать, как вы могли сделать такое, - сказала она, - потому что совру, если скажу, что не знаю".

Крюк уставился на нее, искренне недоумевая. "О чем ты говоришь, моя дорогая?"

На мгновение глаза Венди закатились, и она выглядела гораздо моложе, чем должна была бы, но она вновь обрела самообладание и стояла твердо. Ее руки лежали по бокам, а ладони сжались в маленькие кулачки. "Вы прекрасно понимаете, о чем я, капитан". Она наклонила голову и пристально посмотрела на него, но он лишь с любопытством взглянул на нее в ответ. "Вы использовали меня, сэр. Вы использовали меня, чтобы мучить его". Когда она заговорила, на лице капитана вспыхнуло понимание, и он кивнул, а затем медленно закрыл книгу. Его губы скривились в знакомой томной улыбке, но Венди не дала ему ни секунды на ответ. "Пожалуйста, не оскорбляйте мой интеллект, отрицая это".

"Я бы никогда так не поступил, дорогая", - сказал он, откинувшись на плюшевую спинку кресла. "Во-первых, ты абсолютно права - по крайней мере, в одном - относительно того, что произошло сегодня, но я, конечно же, джентльмен, и..."

"Вы не джентльмен!" крикнула Венди, наконец-то дав волю своему гневу. "Джентльмен не стал бы так говорить обо мне в присутствии своей команды; он не стал бы унижать меня ради того, чтобы подразнить ребенка!"

В тот момент, когда ярость Венди возросла, лицо капитана стало опасным, но он сидел спокойно. "Что ты знаешь о джентльменах?" - спросил он. "Твой отец - джентльмен? Разве джентльмены стремятся при первой же возможности избавиться от сокровища, которым являются их дочери?"

"Не вмешивайте моего отца в это дело, капитан".

"Очень жаль, мисс Дарлинг, если вы так высоко о нем думаете и так мало обо мне. Я принял вас, я боролся за то, о чем вы меня просили, и я делал это так, как считал нужным и лучшим".

Венди рассмеялась и вскинула руки вверх, а затем уперлась ладонями в бедра. "Что ты можешь знать о том, что для меня лучше?" - крикнула она.

"Я знаю, чего ты хотела, что просила остаться здесь".

"Я просила не возвращаться к Питеру".

Возможно, если бы она обратила внимание на тонкие изменения настроения капитана, то не была бы так шокирована более вопиющей сменой диспозиции, и, действительно, она не должна была удивляться, когда он встал, безрассудно ударил крючком по книге, лежавшей рядом с ним, и швырнул ее через всю комнату всего в футах от ее головы. Венди вскрикнула и отпрыгнула от упавшей книги, выглядя одновременно шокированной и разъяренной. Она уставилась на Крюка с открытым ртом и попыталась перевести дыхание, чтобы легче было говорить, но он не дал ей достаточно времени. "Глупая девчонка", - сказал он. "Я мог бы предположить, что ты окажешься настолько предсказуемой".

Венди рассмеялась. "Я предсказуема? Как ты называешь тот грубый танец с песнями и танцами, который ты разыграл сегодня с Питером?"

"Я называю это победой дня", - сказал Крюк, не удосужившись посмотреть на нее. Он возился с одной из перламутровых пуговиц на своем пиджаке и вздыхал. Его улыбка вернулась, но она была такой же жестокой и покровительственной, как в тот день, когда он заставил ее идти по доске. "Я называю это, - сказал он, махнув рукой в ее сторону, - предсказуемым. Ты представляешь собой простую пьесу из двух актов, моя дорогая. Первый акт - это твои попытки заискивать перед каким-нибудь потенциальным дураком, а второй - ты выплескиваешь все ему в лицо. Сначала был твой отец, потом Питер и, наконец, я. Меня обманули. Я действительно думал о тебе лучше". Он снова вздохнул и принялся смахивать воображаемую пыль с передней части жилета, делая вид, что не замечает, как Венди трясется от ярости.

Прошло несколько минут, прежде чем Венди заговорила, но когда она заговорила, из ее глаз полились слезы. "Ты просто чудовище!" - вздохнула она. "Ты говоришь, что делал для меня великие вещи, но это было лишь средство для достижения твоей цели, единственной цели, которую ты когда-либо хотел!" Она быстро дышала между рыданиями, которые только усилились, когда она увидела смущенное выражение лица капитана, наблюдавшего за ней. "Не знаю, чего я ожидала", - сказала она, свирепо сверкнув глазами. "Я должна была знать, что это всегда будет связано с Питером. Это всегда было связано с Питером. Это всегда будет связано с твоей глупой одержимостью маленьким мальчиком!"

"Как смело с твоей стороны обвинять меня в одержимости, которую я никогда не отрицал, в то время как ты отрицаешь свою собственную. Я понимал это, когда ты была ребенком, Венди Дарлинг, но теперь, став взрослой, ты, конечно, видишь, как все это глупо, как глубоко и потрясающе глупо было верить, что игра в притворство с бессмертным вечным ребенком и его отъявленными аколитами будет чем-то иным, чем она есть, - жалкой попыткой вернуть себе ощущение свободы, которой у тебя никогда не было, и оправданием для того, чтобы хандрить по поводу обстоятельств, а не пытаться их изменить".

Венди насмешливо хмыкнула, но поняла, что у нее нет никакой защиты от правды, что, конечно, разозлило ее еще больше. Поэтому она сделала единственно естественный поступок и набросилась с кулаками туда, где, как она знала, будет больно. "Я знаю тебя, капитан Крюк.

При всей своей грозности и наглости ты так же притворяешься, как и я. Вы не можете забыть о своих ошибках или упущенных возможностях, о том, что привело вас сюда и наполняет вас отчаянием, заставляя продолжать терпеть неудачу в достижении своей единственной цели". В завершение своих колкостей она метко пнула брошенный им томик, и книга с грохотом упала на стол рядом с его креслом.

Крюк лишь пристально смотрел на Венди, в его глазах отражалось бурное смятение мыслей, а когда он заговорил, голос его звучал угрожающе: "Скажи мне, моя дорогая, что это за новая эпистемическая привилегия, которую ты себе вообразила, и откуда она взялась? Что заставляет тебя думать, что ты вдруг так много обо мне знаешь? Ты едва ли знаешь себя, девочка". Он небрежно нагнулся, чтобы забрать книгу, и аккуратно положил ее на стол, словно она не была полностью уничтожена его собственным выпадом.

Он почувствовал внезапное разочарование от мысли, что она не понимает ни его, ни его жажды, что ей кажется, будто все так просто. Крюк думал, что Венди, как никто другой, поймет его неумолимый танец с Пэном таким, каким он был: неестественной, но очень реальной спиралью двух сил, закрученных в вечность и никогда. Важно было не воспринимать вещи как двоичные, не представлять время как песочные часы с конечными промежутками, которые нужно заполнять, переворачивать, повторять, чтобы они продолжались; время, как и все вещи в Неверленде, было круглым циферблатом часов, который никогда не нужно было заводить. Фигуры на циферблате и дергающиеся руки не имели значения, потому что круг был вечен. Он просто был. Он жаждал, чтобы кто-нибудь понял его, но его нельзя было заставить и редко можно было объяснить. Крюк мог согласиться хотя бы на то, чтобы принять эти загадки или хотя бы на то, чтобы его желания исполнились, но ему нужен был кто-то, кому он мог бы довериться в вещах более темных, чем убийство, и более личных, чем плоть.

<http://tl.rulate.ru/book/113328/4356262>